

РС
0-66

oc

551445

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

Pc

0-66

551445

Сергей Орлов

Л и р у к а

Стихи этой книги из сборников, вышедших за шесть лет,— не арифметическое целое и не итог. В нее вошло то, что наиболее четко определяет дорогу, по которой идешь. Она во многом продолжение пройденного, но еще в большей степени хочется, чтобы она была началом нового. С этим чувством я и выхожу к читателю.

Сергей Чечев.

С е р г е й О р л о в

551 445

лирика

ВОЛОГДЕНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Лениздат 1966

P2
⑨-66 +K1>

* * *

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем всё сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

Кто был изобретатель колеса?
 Никто не знает. Все о нем забыли.
 В каком краю, когда он родился?
 Ни имени не помним, ни фамилии.
 А был изобретатель колеса.
 Оно в природе не существовало,
 Пока на белый свет не родился
 Великий гений, неизвестный малый.
 Крыло в природе человек узрел
 И рычагов машинных сочлененье,
 А он на мир не так, как все, смотрел,
 Без подражанья мыслил, без сравненья.
 Он смастерили однажды колесо,
 И покатилось колесо по свету,
 А он свернул, должно быть, сигарету
 И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
 Ревели первобытные леса,
 На четырех ногах зверьё бежало,
 Крылами птицы мяли небеса.
 Пока он щепочку жевал устало...
 Какие нынче в мире чудеса!
 Открытия! Им счета нет повсюду.
 Но все его технические чуда
 Ни в чем не зачеркнули колеса.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, сёла, города!
И первый лишь второго ради
Мог всё снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видел, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной выюге иулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Не бог, не царь и не герой.

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился, вопрос неясен.
Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул
И обогнул, навек войдя в историю.

А кто такой Бартоломей Диас?
Я спрашивал, мне люди не ответили,
Одни сказали — он испанец, раз
Фамилия Диас.
Да, тьма на свете их.
Другие заявили — футболист.
Зачем тебе он? — вопрошали третья.
Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс,
Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетье,
Жгла соль огнем бессонные глаза.

Как мир велик! Ни тронов в нем, ни клира.
Под килем и над мачтами гроза,
И солнце прогибает крышу мира.
А в Лиссабоне где-то день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,
Гремели сходни, но никто о нем
Не вспоминал, не знал о нем, и только
Шальная девка, всё забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком,
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.
А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан,
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире.
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

И я ее искал, по свету ездил я
 За тридевять земель, морей и рек.
 Красоты видел, но самой поэзии
 Так и не встретил, глупый человек.

...Дышало лето ливнями и грозами,
 Дымились реки, зрела тишина.
 На большаке с плакучими березами
 Мне повстречалась запросто она.

В своем краю, за речкою, не за морем
 Она мелькнула вдруг грузовиком,
 Плеснула песней, так что сердце замерло
 И опалило душу холодком.

За песней баб над громкими колесами,
 Раставшей стремительно в ныли,
 Вечёрками, страдою и покосами
 Она открылась посреди земли.

Горячим хлебом обмолота первого,
 Кувшином потным на краю стола,
 Озерами с нетающими вербами,
 Луной морозной в зареве стекла.

Девчонкою босой, простоволосою,
 Забредшею во ржи, как василек,
 Она прошла под солнцем и под звездами
 И озарила запад и восток.

А было-то всего лишь — бабы ехали,
 Да песня, да обычный грузовик, —
 Но это оказалось ее вехами,
 И мир за ними встал и был велик,
 Такой, что мне не рассказать, не высказать,
 Какой он есть, и только, может быть,
 Чтобы понять далекое и близкое,
 Жизнь надо просто заново прожить...

А я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек,
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.

И в землях тех она, видать, прописана.
Но надо с ними жить и бедовать,
Пот проливать под небом кипарисовым
Чтоб запросто в лицо ее узнать.

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чьё-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать, —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слышал, я ждал лишь уроков конца,—
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Нела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей...
Я не помню, кто мне о России сказал.

Далекое становится всё ближе,
Уже луна и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,
Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна.
Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?
Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.
Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

Всё, говорят, на свете образуется,
 Всё в жизни станет на свои места.
 И Дон-Кихот под старость образумился.
 Но разум не надгробная плита.
 Прихлопнешь разве разумом стремление
 Быть искренним и честным и прямым
 И все свои печали и сомнения
 Нести на люди, обращаться к ним.
 У юности в крови есть жажда поиска.
 Она сама, как поиск, и равна
 Той жажде, что вела людей до полюса
 Жары, вершины, холода и дна...
 Меня недавно подвели товарищи,
 Не предали, а час такой настал,
 И подвели, — подумаешь. удар еще,
 Не молод я и многое видал.
 Горел и мерз и пировал как следует,
 Ну подвели, — отбился — пустяки.
 Но мысль одна с тех пор меня преследует —
 Как быстро образумились дружки.
 Разумные, — врагов себе не нажили,
 А я, как был, останусь им дружком,
 Но в дружбе что-то всё-таки загажено,
 И это не отмоешь коньяком.
 Да здравствует святая сила разума
 Быть не рабом — хозяином страстей
 И поступать, как юностью наказано
 На дымном гребне фронтовых ночей.
 Пусть не благоразумная — победная
 Идет без страха молодость в зарю.
 Я буду стар. как перечница медная,
 Но и тогда я это повторю.

* * *

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Лишь строй берез серебряных в снегу
Да леса сине-белую громаду.
Клинусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить —
Весь до былинки этот белый свет.

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел свой первый город, —
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.
Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.
Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен медным прибоем.
Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы...
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.
Тихий город мой, в зорях алых
Щедро мне ты дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнять я.
И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзала.
Но недавно за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.
Белый мрамор колонн летящих.
С морем синим и небом рядом,
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.
И, увидев впервые город,
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы
Переживший тысячелетья,

Замер я, будто в детстве раннем,
Заглядевшийся с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.
Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства,
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий,
Есть стюардесса в цвете лет.
Есть аэропорт, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник
Над пластиковым столом
И чашечкой «экспрессо» бледным
В часу, неведомо каком,
В глухи неведомой вокзальной,
Откуда всё рукой подать:
Березы, ледники и пальмы, —
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.
А синие глаза пустынны,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленою солью моря,
Пить спирт из фляги у костра

И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублена мрак ночной и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога зиобкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая как груз.
А в чем она, не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, всё это вкупе
Заключено в том и другом.
Забудут, не найдут, не купят
Или поверят, но с трудом?
Гремят, ликуют и хоочут.
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

Голос первой любви моей — поздний,
напрасный —

Вдруг окликнул, заставил на миг замереть,
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

В АВТОБУСЕ

К осматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя огнепоклонница,
Язычница из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белён!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли,
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливнь реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы.
Кружка в динамике, дрожат.
Белеют на барабанке пальцы,
Темнеет у шофёра взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепясь в лучах.
Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме провода...
И ничего не может статься
С весной и Русью никогда.

Старый снимок
Нашел я случайно в столе
Среди справок
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле.

Шлем ребристый кираовый
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки, что солнца пыльца.

Не целован еще,
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне.
Среди сосен и елок
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня,
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.

Время крепости рушит,
А годы летят,
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад.

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор—
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушибок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя, —

Она бы лишь была
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко спотыкаясь
Черный танк ползет, как жук в снегу.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там, в огне ревущем, верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку:
Жизнь прожить — не поле перейти.
Там друзья, там поровну махорка —
Я ему завидую почти.
Надо встать и скинуть полушибок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло.
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит белым-белое.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Чернобуры на заре.

Ели словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье вёсел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что самый лучший,
А милей всех сердцу край!

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сепокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский всё же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР.
И в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов, —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнца в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина, ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.

Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали всё без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях, —
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

НА ВОЛГОБАЛТЕ

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер, —
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком,
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плынут над ней, взрываю воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола

Стогов, домов, хлевов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век, —
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог, —

И этот лайнер снежно-белый,
И всплыvший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я всё потопленное помню.
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,
Одно другим не зачеркнуть.

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемерно веская —
По радио промчалась весть,
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до дыньки видна
С поры далекой, незапамятной.
На целый белый свет одна,
Горя своим горючим пламенем.

Три полбутылки на столе
Плодовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
«Валюша, Валя, Валентина!»
Судьба — не песня соловья,
Не все вернулись из Берлина.

Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слухом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Быстрей, чем шар земной наш кружится,
Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька!

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слёз солеными,

Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка кружится любимая.
И день, как колокол, гудит
Над придорожными рябинами.

ЗЕМЛЯК

С. Винулову

Мы редко с ним теперь встречаемся, —
У каждого свои дела.
Но всё ж встречаемся, случается,
Вдвоем садимся у стола.
Не по желанью — по традиции,
Как на Руси заведено,
Мы балуемся не водицею
Дистиллированною. Но...
Как только «что» да «как» кончаются,
Отодвигается хрусталь —
И раздвигается, что чается,
Что видится, — и глубь и даль.
Он трет виски, он наклоняется
И курит, курит без конца.
И тень, и свет, летя, сменяются
На резких линиях лица.
И край, в котором уместиться бы
Могло с полдюжины держав
С их европейскими столицами,
Определяется вдруг, став
Тем настоящим, главным, истинным:
И как живешь и как дела, —
С чем исповедуются искренне,
Ни боли не тая, ни зла.
Над чем задумываясь, пробуют
Себя, других и жизнь понять
По счету по большому, строгому,
Где не на кого зря пенять.
А надо встретиться с причинами
Того, что плохо, что не так...
Шумят поля, горит рябинами
И подступает к сердцу тракт.
Раскинулась в дождях и радугах
Провинция лесов и рек,
Печалия, сокрушая, радуя,
Как личная судьба, — навек.

Ах, эти встречи с другом досветла!
Гора окурков. Поздний час,
Наговоришься вроде досыта,
А ляжешь — не смыкаешь глаз.

ДЕРГАЧ

Зацвели над Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призываю
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Всё пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё, в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленом столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток, как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердились связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звения, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звения ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком, —

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,

Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скисы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодействием пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Всё праздничней крутая пляска рук.
Валют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб

А в кухне окна настежь, пахнет мяты,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И поленым простором распищенным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны.
А день просторен, светел и высок.

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым косарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала, —
Всему черед и честь, как в каждой мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют.
Ладони горячи, и рук полет широк
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник, в день
субботний,
И праздник настает...

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты,

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковом
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Всё начинается, как вызов.
Сталь синяя секиры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты, волей разума,
В своей работе наторелом,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.

А вот уже и лавры возданы
И перцем сдobreны до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

У КОСТРА

В глухи таежной на сплавной реке.
Воткнув багры, как будто копья, в болоты,
Как в песне, на песчаном бережке
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в кotle старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явленьем необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку ракит.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна, света полная, река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стрекаха,

Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут во складам.

ГАРМОНИКИ

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные,
На морозе поют к теплу.

Пар кудлатый клубит над лицами,
Снег укатан, словно каток.
Люди скидывают рукавицы и
Свой треух отвернут чуток.

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,
Чтобы тешила вдоволь душу им,
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов.
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не оргán тебе, не оркестр...
Эх, гармония-филармония,
Да и опера сельских мест.

За нее трудовые, кровные,
Отдают без боли рубли,
На плечо ремешок и, словно им
Привалило счастье, — пошли

Лесорубы, шофёры, пахари —
Все поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской
Громкой удалью, грустью нежной,
Буйной радостью и тоской.

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света.
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь, и гром ударит зычно,
Там сгребают сено, минут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными" на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Там девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины.
Пропустить боясь, сижу, объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ку».
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнцемко у них над головой,
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею,
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.

Зеленые звёзды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата,
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса — и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пленичного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одeta в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.

Да, песня займется, зовя и тревожа,
А в ней всё про то же, что было и будет,
И нет ничего, и не сырещь дороже
Весь мир повидавшим, всё видевшим людям.

дионисий

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах, —
Видать, для света и тепла, —
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, с опятами, —
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив, как рай!

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула, — не видно крыши.
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Всё леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль,
Быль неласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст
Лесом все...
В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.
Хочешь верь не верь,
Приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь, —
Самолетом рукой подать.
Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог, —
Про дороги я пе соврал.
К нам дороги ягою меряны
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна
В темном лесе за Юг-рекой.

ПРИГЛАШЕНИЕ

З апаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо.
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиральное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.

Град стоит, красуется
С простотой естественнои,
Возведен не суетно,
Топором-кудесником.
А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны.

Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колокольня ростом длинен,
Сажень в плечах, глазаст, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.

В ботфортах, сшитых саморучно,
С дубиной, струганной ножом,
На складах пристанских, как крючник.
Царь околачивался днем.

Беседы вел с мастеровыми,
С купцами шил, табак курил,
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,

Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что́ теперь к чему.

В глазах его бесовских пламя,
Дым из ноздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
Притом на храмы божии.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стучка перстом в перстне по раме,
К вдове над Вологдой-рекой.

Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца,
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.

У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром,

Что до утра в царёвом чине
Он с Анной делает вдвоем?

Тут замирают дух и сердце, —
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем проперчён, как перцем,
Ушкуйник, а не царь на вид.

Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.

И Анне в горницах не спится,
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается,
Алый бархат уходит вбок,
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок.

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна все сапожки.
Как негаданные, нежданные
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты,
Солнце в небе встает из небыли.
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок,
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок,

Это так ведь мечтали праотцы,
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.
Непохожая, только что же мы
Восхищеньем томим уста.

Даль иная, высоты новые,
Только замер вдруг, замолчал
И любуется облюбованной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она, как равная,
К нашим помыслам и мечте.

На крышах солью выступает иней.
С утра дорога в лезвиях ледка,
Поля лежат, как черная пустыня,
И задевают землю облака.

Ничто вокруг ни взора и ни слуха
Не радует в промозглой этой мгле,
Как будто силу творческого духа
Природа исчерпала на земле.

Но вдруг мороз, и с высоты нежданной
Не солнца свет, но и уже не тьма,
Враз осветив леса, дома, поляны,
Снег упадет, и через час — зима.

Земля лежит, как новая планета,
На ней еще ни тропок, ни дорог
На всех ее меридианах нету,
Всё вдали зовет, и снова путь далек.

ХЛЕБ

В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных
шорох,
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.

Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол — престол.
Хлеб — голова всему. Он с солью не бранится.
Смиряется и пес пред ним, хотя и зол.

Две крутых соболинки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ, —
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям всё казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хотела в упоеньи
Так, как она всегда любила.

И всё вокруг переменилось,
Всё стало праздничней и ярче,
Всё сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь такая малость —
Катилось, звоном озаряло.
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

Я давно увидел в первый раз,
Как оно меня не ослепило,
Чудо женское зеленых глаз,
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным взглядом...

Два дождя стоят в ее зрачках.
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

Под атласным одеялом
Солнцем полное плечо,
Лен волос, румянец алый,
Золотой пушок у щек.
Ты, наверное, не встала,
До сих пор ты спиши еще.

С вечера метель мела,
Мир калила добела,
Лес молил январь о чуде,
Ноказалось, что не будет
Больше света и тепла.

А сейчас для всех влюбленных
В окнах свету терема.
Снегу полная зима,
День — царь-колокол червонный —
Полон звону, разума.

Милая моя краса,
Я ль не верил в чудеса,
Посмотри: не шелохнутся
Вплоть до полюса леса,
В воздухе дымки, как блюдца.
Днем с огнем в лесу лиса, —
Не пора ль тебе проснуться,
Милая моя краса.

„АЛЁШЕНЬКА“

Словно в горле песенки горошинка —
Пропою, а не произнесу.
Есть такая станция «Алёшенька»,
Как тропинка к поезду в лесу.

В двух шагах от каменного города,
А как бы у света на краю,
Не известна никому, не дорога,
Сторожит стальную колею.

Ливнем стали и стекла по линии,
Будто на колесах города,
Никелем окованы, как инеем,
Мимо пролетают поезда.

Сколько Алексеев и Алёшенек
В сутолоке, в громе, в суете
Названо, окликнуто, опрошено
На лесной сороковой версте?

Мимо все. С печалями, с улыбками
Без ответа мчатся поезда.
Что-то человеческое, зыбкое
Потерялось в громе навсегда.

Двести лет прошло с тех пор, как брошено
Лесу, полю, солнцу и реке
И летит — Алёшенька, Алёшенька, —
А ответа нету вдалеке...

ЧЕРЕМУХА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка, опустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном,
Как будто бы в лесу своем, она
Цветет себе торжественно и пламенно
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете: как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете: цветущая, огромная?
Да, белая, — не зря о том твержу.

Не зря соседка девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на нее.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кирова красавица,
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и яростно:
«Ну что ты в нем хорошего нашла,
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола».

А в городе светло, до часа раннего
Любовь, от робкой близости хмельна,
Гуляет без скромного, ресторанныго,
Дешевого крепленого вина.

Весь город для нее как зала тронная,
От Охты и до Стрелки, посмотри, —
Она повсюду шествует с короною
Немеркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою,
И не нашел. Но не виню любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сквозит у нас в крови...

В цвета палящие одета,
И длиннонога, и тонка,
С прической, названной «бабетта»,
Звонка, как в песенке строка,

Бежит Брижит по нашей улице,
Стучат капелью каблучки.
Бежит, торопится, волнуется,
Брижит с текстильной фабрики.

Молоденькой многостаночнице,
Красивой хочется ей быть.
Ах, как ей быть счастливой хочется!
И как за то ее винить?

Она надела туфли-гвоздики
И синий скинула халат,
И где-то рядом с кинозвездами
Сейчас глаза ее летят.

А ей газета молодежная
За то анафемой грозит.
А чем плоха, скажите всё же мне,
Сама француженка Брижит?

А чем плоха многостаночница
С прической круглой, как луна?
Девчонке быть красивой хочется, —
Бежит, торопится она.

На Большом Гнездниковском
В доме десять ли, восемь ли,
Что напротив аптеки,
Красным камнем одет,
Проживает красивая,
Рыжеволосая,
Однокая женщина
Двадцати восьми лет.

У нее здесь друзья.
И звонки телефонные
Вопрошают квартиру
О ней допоздна.
У нее есть поклонники,
Честно влюбленные,
Но всерьез не считается
С ними она.

Утро раннее
Сыплет стальные горошины
Из будильника на пол,
И, словно в ответ,
Закрывая глаза
На мгновенье ладошками,
Словно девочка
Женщина смотрит на свет.

Тесных туфелек стук,
У кровати поставленных,
Открывает дорогу
Знакомых забот.
Папироска измятая
Ртом окровавлена.
Выпит чай,
Сунут в сумку
С собой бутерброд.

Ах, как много их,
В туфельках дробных, начищенных,
С банным ветром
Выносит метро поутру
На Тверском, на Арбате.
На Пресне!.. И сыщешь ли
Ту, что тоже спешит
На студеном ветру?..

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Я с морем встретился вчера,
Как с миром праздничным, огромным.
Всклень полным света и добра
И искренности неуемной.

Я к морю нес свой груз обид,
Не помышляя об участье.
Недавно без причины бит
И предан, но не другом, к счастью.
Голы, как белые слоны,
У моря грелись эвкалипты.
В тени у розовой стены
Два ишака кричали хрипло.
Абхазка тротуар мела.
И у воды на жаркой гальке
От солнца алые тела
Лежали бревнами вповалку.
Что море?
Синяя вода.
Соленая до окоема.
Что морю счастье и беда?..
Но море дрогнуло у кромок.
...Накат вступил немым оркестром,
Меняя красок череду,
Роняя отблески и всплески
С забытым чем-то лишь в ладу,
В душе встающим, как растенья
Неслышно через камень плит,
Дробя гранит своим рожденьем,
Гранит печалей, бед, обид.
Накат не знал обид и болей,
Но, омывая, уносил
С собою что-то с пеной белой
И возвращался с тайной сил,
Еще пока не ощутимых,
Но призывающих уже.
Он проявлял меня, как снимок,
И с ним светало на душе.

Огромность вод, блескучих, близких,
Сближала с небом и цветным
Простором поиска и риска
И утверждала перед ним
Неумолимо, без насилия.
И пробуждала, как от сна,
Еще не выросшие крылья,
Неузнанные времена.
И я в себе услышал море,
И сам стал морем я живым,
И мог и должен был я спорить
И соглашаться только с ним —
Огромным, видевшим вчера лишь
Рожденье ящеров во тьме,
И груз эпической печали
У аргонавтов на корме.
А волны шли и шли на берег,
Вздымали горы щит земли.
И поединок двух империй
Судейство только мне сулил.
Пропела дальняя сирена.
Шел белый лайнер на Сухум,
А берег вскидывался с пеной
И плыл сажёнками без дум.
Струился полдень лиловатый,
Дельфин, как маховик, тяжел,
Вздыпался, черный и горбатый,
И вновь скрывался среди волн.
Как взрывы, к небу эвкалипты
Вздымали кроны. Босиком
Богиня вышла из калитки
У розовой стены, с кульком
Тяжелых синих виноградин.
Гибка, как пламя от костра...
Как многое случилось за день!
Я с морем встретился вчера.

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски.
И вдруг с хлебами, с караваями
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев, моторы выхлоп гасят.
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданьем счастья.

Над камнем у витрин движение:
Плынут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

Ночь у печей гремит заслонками,
Взметает звезды обмолота,
Щепоть роняет над солонками,
Благословляя... А всего-то

Хлеб привезли. Шоффёр торопится,
Огнем цигарки гонит дрёму.
Стучка, лотки у стенки копятся.
Спит женщина в постели дома.

Спит город, в чудеса не веря,
Но каждый миг творит он чудо,

Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток,

Над ним заря с зарей встречается.
И птенчик, крохотный и звонкий,
Поет, ликует, заливается
На прутике антennы тонкой.

Его никто не слышит, малого.
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.

Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной,
И день за ним грядет насущный.

НА ДАЧЕ

Я на даче
В гостях побывал невзначай.
— Сколько лет, сколько зим! —
Так всегда говорится. —
Я с машиной.
Махнем, брат, за город на чай,
Мой ковчег посетишь,
Отдохнешь от столицы!

Нас промчал,
Огрызаясь на встречных баском,
Лакированный зверь
На резиновых лапах, —
Пятьдесят километров
Рывком, с ветерком
От Арбата
До рощицы в рыжих накрахах.

Распахнулись ворота тесовые в сад,
Был хозяин радущен
И весел со мною:
— По труду и уют, —
Так ведь, брат, говорят... —
И начальственно
Похвостал над собою.

И, как будто своим
Восхищаясь трудом,
Гаражом похвалился,
Пристройками, крытыми цинком:
— Сколько, братец, хлопот!
Вот построю дорожку потом
Из бетона,
И будет тут всё как картинка.

Но за всеми следи,
Мастера — все жулье... —

Он не чувствовал,
Как я мрачнею при этом,
И меня обступило
С порога жилье:
От багета
До теплого, с ванной, клозета,

От прыщавого отпрыска,
Тещи, жены,
Толковавших о модах,
Соседях, футболе,
До невинного мопса,
Готового впиться в штаны
Молчаливого гостя,
Как только хозяин позволит.

Холодильник,
Как айсберг домашний, к столу
Пробивался,
Тяжелыми яствами полон,
Телевизор мердал,
Насторожась, в углу.
И портьеры
Штандартами стлались до пола.

Я не бил в этом доме посуду,
Не бил,
Я не хлопал дверьми в этом доме,
Не хлопал!
Сам хозяин
Калиткой за мной отрубил
То, о чем мы когда-то
Мечтали в окопах.

Счастье мне представлялось
Совсем не таким,
Окруженным высоким
Тесовым забором,

Чтоб копить счастье молча,
Чтоб прятаться с ним
От прямых,
Ничего не прощающих взоров.

За воротами
Стайка грудастых девчат
В полинялых юбочонках
Трамбовками била щебенку.
Чад курился,
И рыжих, как пламя, телят
Вез куда-то шофёр
На колхозной трехтонке...

День был днем, миром — мир
И простором — простор,
День шумел,
Не привыкший сдаваться на милость,
Тыщей рек, бурей трав
Вызывая на спор...
Неделимое солнце
По небу катилось...

Вчера еще со школьной парты,
 В том ничего плохого нет.
 Идут в поэзию, как в партию,
 Мальчишки в восемнадцать лет.
 Они от дела днем не бегают,
 Им дела нету до себя.
 Они стихи ночами делают,
 Отечество свое любя.
 В них ложь они клеймят запальчиво
 И с косностью вступают в бой,
 И в том они отнюдь не мальчики,
 Как именуют их порой.
 Им мало на заводах вкалывать,
 Науку грызть, пахать поля.
 В них силы вложены не малые,
 Такая уж у нас земля,
 Где с детства воздух революции
 Пронизан молниями лет,
 Где деды вечно остаются
 Мальчишками с клинком в седле,
 Где кровь отцов звенит и требует,
 Чтобы на свете никогда
 Вовек войны проклятой не было
 И чтоб не встали те года,
 Когда людей хватали вороны,
 Закрыв крылами белый свет...
 И пусть на всё им хватит пороху,
 Мальчишкам в восемнадцать лет!

* * *

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах —
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем,
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он недаром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

ПАМЯТНИК

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока «ЗИЛов» и «Побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры
Шелков и ситца полные кометы
Уносятся на взморье от жары.

А он всё поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди.
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

Б. Пидемскому

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке.
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломили на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни
поём..

Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась
пехота, —

Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году, ни жива, ни мертва.
Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Жене, санитарке глазастой, —
Как она полоскала рубашку свою и рвала,
как ромашку, для раненых, —

И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
А в траве земляника пылает на брустверах,
И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женя — красавица русая —
Пулеметом порубана, где-то рядышком милая.
Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы — как земля, — наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля,ечно в ссадинах.
На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом, из роты последние,
Ничего нет вокруг, но велением памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,
И солдаты встают... Воздвигается памятью
памятник,

Там, где нету его, но стоять ему там
полагается.
А вокруг — мирный луг, а вокруг — жизнь
нормальна.

По Неве к Валааму плывет теплоход, полон
песнями.

Но сердца, словно компасов стрелки над
аномалией,

Бьют о рёбра вовсю, будто тесно им, тесно им.
А водителю Вите лет двадцать, не более,
Столько, сколько нам в армии было когда-то.
Он включил себе радио, не идет с нами в поле,
Паши слёзы и песни ему непонятны.

Что ему это поле,—как нам Куликово, не боле!..
Хлещет радио джазами над погостом в костях
и металле.

Мы с товарищем, с нашею славою, с болями,
Эпопеей для Витьки, историей стали.
Только мы не история, мы в нее не годимся, —
В нас ликуют и плачут железные годы,
И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»,
Делят хлеб и патроны у бездонного брода.
Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.
Нам бы надо обидеться на курносого Витю,
Но у жизни есть горя и счастья законы,
Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.
И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью
мучиться.

Ах, зачем, всё равно у него не получится.
Свистят птицы, горит земляника на брустверах,
Полон Витька к истории благодарности и
уважения.

Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,
без устали
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля
сражения.

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золотá,
И в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.
Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшимся когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит еосна.
Не властно время
Того, что было, изменить.

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром, ночной аэродром.
Повзводно, ротно, батальонно
Построен в небо голубом
Десантный полк краснознамённый.

Там в небе самолетов след,
Как резкий свет кинжалных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках как дома.
О, знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.
Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив, — работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зеленá,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит,
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник;
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявшие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Всё не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звёзды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле, —
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчки петят,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свея
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи, —
Чье-то сердце опять
Над землею стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

Всем и всем — под звенящими льдинками
звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.
«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS».
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и материки
Узы дружбы, как меридианы, крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови.
Вся планета окутана дымкой любви.

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвенит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам нынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими косы и руки,
Но из целого счастья
Взахлеб
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор не прошедший озноб.

Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя.
Слов не сказанных,
Песен не спетых,
Как ушедших годов, не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах, — не взглянуть.

Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может, и больше, с собой
Унесли от них те, что Отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душные грозы,
Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звёзды
И кострами знобят вечера.

Кто-то, вскинувши руки под небом,
Полыхает, как в пламени куст...
Это всё не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают
И гремят соловьи за рекой.

Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет, —
На земле не кончается лето...
«Сорок лет — бабий век», —
Весь ответ.

МИРНАЯ ПЕСЕНКА

Сквозь страхи века атомного грозные
Ко мне приходит нынче неспроста
Пронизанная ливнями и звездами,
Как солнце неотступная мечта.

Гражданские заботы перевесили,
Распущены солдаты по домам,
Война уж не работа, не профессия,
И незачем глязеть по сторонам.

В мартенах танки с пушками ворочая,
Старатально вращается земля,
Спокойная, зеленая, рабочая,
Антеннами травинок шевеля.

И мы — как будто пыльные реликвии.
Действительно которым нет цепы,
С последней, называемой великою,
Историей оправданной войны.

Вы скажете — фантазия, идиллия!
Ну что ж, я оптимист и фантазер.
Но если страхи в мире победили бы,
То б шар земной не дожил до сих пор.

И с каждым днем крепчает убеждение,
Что только так должно быть на века.
Фантазия становится движением
На всех пяти земных материках.

И в сторону мечты быстрей вращается,
Под звездами и ливнями пыля,
Хотя кому-то это и не нравится,
Любимая людьми навек земля.

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы словно в молодость мосты.
Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.
Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера иду до Зимнего
К себе и в молодость отдов.
Пусть наотрез права пословица,
Я с ней не спорю, не хочу.
А песня всё-таки не клонится,
И ей такое по плечу.
Смотри, взошла она, и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящую дорогою,
И снова славе нет конца.
И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить
Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы —
Признание себе не песнями
Снискавшие в огне бойцы.

КУРГАН-ГЕРОЙ

Я слышал, что курган Мамаев
В бетон и мрамор одевают.
Ревут бульдозеры и скреперы
Над зимней Волгою с утра,
Сшивается стальными скрепами
Сегодня наше и вчера.

Так, значит, верно в самом деле
Прошло с той битвы двадцать лет,
Когда в солдатские шинели
И в ватники он был одет.
Когда сто дней катились волны
Свинца и пламени над ним,
А он стоял сто дней у Волги,
Прикрытый мужеством одним.
И пусть оно предстанет в мраморе,
Пока еще тревожен век.
Над ним всегда в дыму и пламени
Лететь на землю будет снег.
И из траншей неперекопанных
Вставать солдаты будут в рост
Над Азией и над Европою,
Ушанками касаясь звезд.

Я верю в бога, но не с бородой
Сидящего на облаке высоком.
Бог, он и старый, он и молодой,
Со мной живет он рядом и далёко.
С шести утра он пьет на кухне чай,
Закуривают жадно сигарету.
Его везет грохочущий трамвай
За три копейки через всю планету
На свой завод, на шахту и в гараж,—
Да мало ли, куда там надо богу,
Ведь без него день не начнется наш,
И в самом деле — мир не до порога.
А он себя считает, как всегда,
Бетонщиком, механиком, шахтером.
Какой там бог! — Идет наверх руда,
Струится стружка и ревут моторы.
Но всё на свете создано трудом.
Он сдвинул горы, он попятил реки.
И в переносном смысле и в прямом
Он бог в двадцатом громоносном веке.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА

Места, где Ленин был когда-то,
Не просто памяти места,
И времени былого даты, —
Их люди ценят неспроста.

Вот лес. Поляна. Всё как всюду.
А вот трибуна или дом.
И всё вокруг понятно людям,
Знакомо, как в краю любом.

А он ведь здесь вершил такое,
Что всё меняло на земле.
Была трибуна полем боя,
И этот дом, и лес во мгле.

Глядят, молчат, уходят люди,
Как будто что-то унося.
И в час, когда им трудно будет,
Когда уже стоять нельзя,

К ним, старым, молодым и юным,
Придет, как солнце, может быть,
Вот лес, поляна, дом, трибуна, —
Стоять, сражаться, победить!

УТРО

1

На деревянных скамьях восседая,
Одновременно тысячами трасс
Он утром едет в тысяче трамваев,
Его величество рабочий класс.
Клубит туман на дымных реках улиц,
Сраженье тьмы и света в облаках.
Еще не все сограждане проснулись,
Но он уже с рассвета на ногах.
День не начнется без него на свете,
Огонь не вспыхнет, молот не взлетит,
Стальные крылья не поднимет ветер,
И паровоз не вскрикнет на пути.
О, ранний час рожденья, пробужденья,
Литая завязь света и тепла!
У проходных ворот толпы движенье
Перед твердыней стали и стекла.
Есть каменные, мраморные арки,
Они стоят, цепляя облака,
Под солнцем юга, пламенным и жарким,
Поставлены торцами на века.
Сюда входили с музыкой, с цветами
Легионеры Цезарей, под рев
Толпы, сверкая медными щитами,
Ведя в цепях закованных рабов.
Об этих арках созданы трактаты,
Туристы едут к ним издалека.
Куда до них тем скромным, тем
дощатым,
Поставленным отнюдь не на века,
Тем аркам проходным, открытым
настежь.
Подкрашенные просто маляром
Стоят они, распахнутые властно
Вахтером-стариком перед гудком.
Нет, перед ними не стоят зеваки,
Цветами осыпая с двух сторон,

И фейерверков огненные знаки
На них не льются в зареве знамен.
В них каждый день без музыки и грома
Победа входит запросто сама
В спецовке старой, стираной, знакомой,
Когда еще царит поутру тьма.

2

Здесь, в царстве стали, камня и бетона,
Железом воздух навсегда пропах,
В переплетенье линий напряжённых
Лежит прямое небо на столбах.
Здесь стружка въелась в черные дороги,
Под крышей возвышаются мосты.
Здесь в реках сталь, и горные отроги
Бетонных башен строги и просты.
Пейзажи царства созданы расчетом,
Проверены лекалом и огнем,
Подчинены рассудку и полету,
Случайных линий не отыщешь в нем.
Оно своим размахом поражает
И утверждает сталью стали век.
Оно как будто людям угрожает,
В нем, кажется, затерян человек.
Огня ложатся розовые блики
Ему на плечи, расступилась тьма.
Он ток включил — и разом стал великим.
Он встал к станку — и ожили грома.

КОММУНИСТЫ

О них поэты пишут непременно
Высоким «штилем», как
в трубу трубят,
Что им подвластны даль
и глубь Вселенной
И нет на свете никаких преград.
Сияние на их высоких лицах,
Их каждый шаг в века —
не просто шаг.
А мы-то знаем запросто великих
И делим с ними дружбу и табак.
Сосед, дружок, товарищ по работе,
Такой, как все, от всех неотделим, —
В цеху, в колхозе, в институте,
в роте —
Ни обликом, ни званием своим.
Но на фронтах под небом
боя мглистым,
Когда огонь над бруствером внахлест,
«Прошу считать отныне коммунистом» —
Писали люди и вставали в рост.
И ныне про способных
бескорыстно
Идти за дело правое на риск,
Пускай он даже не был коммунистом,
Недаром говорят:
«Он коммунист!»
Мир знает их, веселых
и влюбленных,
Грустящих, пожилых и молодых.
На свете коммунистов миллионы,
И в этом сила и величье их.
Они верны без страха и измены
Той партии, в которой состоят;
А ей подвластны даль и глубь
Вселенной,
И нет на свете никаких преград.

И Русь не та, и русские не те...
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что пе те, и, видно, в простоте
Перевернулся ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней не боле
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь, когда
Пойти вослед, так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор, когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А пе она ли родина Свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа и ума
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

ОДНА ЛЮБОВЬ

Поэма

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отправленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес всё назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размёт.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Всё, что в года вместить не удалось.

Меня в любви не стерегли удачи,
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача,
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И счастьем, и разлукой грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

Она, как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь,
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смелою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звёзды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви.

Где вдруг на миг она к тебе прижмется,
Пред тем, как скрыться на крыльце
в потьмах,
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым.
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слыхал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

*

Четыре года, вечности четыре:
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослой.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и унести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягка трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым,
Там маки крови рыжие цвели,
И травы пахли толом горьковатым.

И я, чудак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И всё не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штакета

Часа в четыре ночи, всё всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

*

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон.

Забыла?

Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно, — всё равно.
Шел год победы, — в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слёзы и вино.

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде,
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза,
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

*

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели, —

Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И воли морских зеленые колёса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым.
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

*

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, этот дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на
плиты.
И город вдруг взовьется, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь
дорог.

Я переулок скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому всё отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крыльышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звёзды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, всё-таки томилась.

*

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: давай полью цветки!

И вдруг из-за угла, почем я знаю
Как, я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слыхали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той, далекой, русой,
Весь городок был наш в плену у ней
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шоффер, притормозив, глядел нам вслед.
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет.

*

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца.
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как итица.

Недавний сон дрожал еще в глазах,
Недрогнувших, доверчивых, бездумных
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я все забыл Но тут же услыхал
Испуганное, горькое: «Не надо!..»

Что значить в этот миг слова могли,
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она нежданно в слёзы.
Что сделал я?
«Мне не дарили роз,
А я ждала, что всё же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела».

Мне тоже в жизни не встречалось роз,
Бывало, сказка ими расцветала,
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бизантийские, клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков.
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

*

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем,
И божеством еще, и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро,
Был добрым день, вовсю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю».
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили, — никогда
Не рассказать, не вспомнить, — это знаки
были

Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было,

«Куда ты едешь спешно так сейчас,
Кто ты теперь?» — она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я снешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет.
Я услыхал: «А разве ты мужчина!..»

*

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Араката,
Где между гор библейских рай земной
Оранжевый на синем был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колеблясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе, — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету,
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами,
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу «ИЛ»,
Земля под ним развертывалась в плане,
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною всё наоборот, —
Издалека ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то...

*

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настежь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Всё пролетало, проносилось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень.

Торжественной последней красотой,
В которой всё горит, всё льется светом, —
От дюн до паутинки золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И снова чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миря менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.

Всё впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,
И может быть, «прощай» — ветра сказали.
А может, просто всыхнул неба край
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибрежной полосе
Был из живого выкован металла,
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассекало.

*

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом на ветру открытом
Давно в огне сгорели, как трава,
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные — день добрый или вечер.

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро — говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края,
В нем всё, что есть, отныне для двоих
До смерти, и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы.
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья...

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и нежданно.
Как на земле хоряничает он!
Звенит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был,
С ним всё преобразилось во вселенной,
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Подтянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленною шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Ваяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И всё твердила — голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели
На красном белые, над платьем узким.

Над черным, скользким, белые как снег,
Горячие податливые плечи.
И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
«Здесь душно...» И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись,
встала.

Над белым встала в черном, отдалась,
И черное сменилось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
«Мой милый, разве ты боишься света?»

Два раза простучали каблочки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалилось резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много, и как это мало!

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

*

Я всё о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей и радостей основа!

Оно не только в громком и большом,
В труде и славе, горных пиков выше.
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат.

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.

Мой сын возьмет себе иное в толк, —
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло на части,
Но есть любовь — сильней войны она.
А кто сказал, что нет любви без
счастья?..

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.

СЛОВО О ЦИОЛКОВСКОМ

И над Калугой светят звёзды,
А век событьями богат:
Уж на шарах взлетают в воздух,
И где-то создан аппарат,
Который над землей с разбега
Взлетает сажен на пятьсот,
Как будто с крыльями телега,
А может быть, наоборот...
В четверг в Собрании дворянском
Для уважаемых господ
Доклад о звездах и пространстве
Учитель физики прочтет.
Идет Калуга в ногу с веком,
Гремя оркестром полковым,
Глядит в упор на человека,
Усевшись в кресле перед ним,
Который вроде бы помешан,
А вместе с тем как бы здоров.
Перед собраньем плеч и плешей
Он держит речь с шести часов:
«Я заявляю, господа,
Настанет время, несомненно, —
С земли межзвездные суда
Нас понесут во глубь вселенной.
Как в колыбели, человек
Рожден Землей, но, в самом деле,
Кто заявил, что он навек
Остаться должен в колыбели?»
Кто? Но молчат в собранье дамы,
А рядом с ними господа.
В них божества святое пламя
Давно погасло навсегда.
Для них давно всё ясно, просто,
Привычками очерчен свет,
Не занимают их вопросы,
Ответа на какие нет...
Крылатку на плечи накинув,

Вниз по ступеням на крыльцо
Сбегает он, сутуля спину;
Там дождь и ветер бьют в лицо.
Один — и не в Калуге даже, —
Во всей вселенной одинок,
С тоской о звездах, словно с жаждой,
Уходит он, не чая ног.
Вчера еще из глины создан,
Из мглы морей и света рек,
Уже тоскует в нем о звездах
Мятежный, гордый человек.
Он на кострах людского мненья
Сжигал не раз свои мечты,
И проклинал свой день рожденья,
И вновь отстраивал мосты,
И их раскидывал над веком
Для человечества всего...
Но как же трудно человеку,
Когда нет рядом никого!

*

Во всей вселенной петухи
Одни орут, как с перепугу.
Сады тихи, дома тихи,
Спит беспробудным сном Калуга.
А слух совсем пропал опять,
Как будто бы он слышит космос,
Где ничего не услыхать,
Хотя бы там взрывались звёзды...
И пламя лампы на столе,
Что было гребнем петушиным,
По линиям стекла во мгле
Поднялось золотым кувшином.
Стекло не выдержит сейчас,
Но Циолковский, сидя рядом,
С него не сводит строгих глаз,
Как с прилетевшего снаряда.

Пред ним снаряд, а не стекло,
В нем сталь, и не фитиль, а дюза.
И раскаленное сопло
Сейчас взорвет от перегруза.
Оно должно быть не прямым,
Воронкой, раструбом кончаться, —
Как это не понятно им!
Кому «им»? Есть лишь домочадцы,
Что рядом за стеной спят.
Калуга есть, купцы, мещане,
И есть стекло, а не снаряд,
И топит он фитиль в молчанье,
И свой оглядывает мир,
Вернувшись из миров далеких, —
Как беден в нем он, глух, и сир,
И в помыслах смешон высоких.

*

На десять тысяч верст — Россия:
Деревни, реки и леса,
Пройди по ним сейчас, спроси их
И вслушайся в их голоса.
Смолчат или ответят сказкой,
А в ней звучит своя тоска —
Планеты, звезды, месяц ясный.
О, как дорога далека
От крыш соломенных, горбатых
До счастья просто, не до звезд.
Но где-то слышатся раскаты,
И зреют очертанья гроз,
И молнии в полнеба льются,
Ручьями пишут письмена,
В эпоху войн и революций
Уже Земля увлечена.
А для него всё это небыль;
Откуда знать ему во мгле,
Что к революции на небе
Лежит дорога по Земле!

Но всё со временем решится.
Двух революций связан взмах;
Сначала на Земле свершится,
Чтобы свершиться в небесах.
Взаимосвязь для них — закон.
Не зря стремится к звездам гений,
И нужен будет небу он,
Как для земли стал нужен Ленин.
...Вселенная — глухое место,
Не докричишься, хоть ори.
И где есть кто-то — неизвестно.
И что там дальше — не смотри.
Дыра бездонная, сквозная,
Звезд раскаленные шары,
Переливаясь, не мигая,
Стоят без счета и поры.
Меж ними — голубой росинкой,
В метеоритных ливнях гроз,
Летит Земля своей тропникой,
Морзит сквозь пламя и мороз.
Здесь чуда с неба ожидают,
Вздымая храмы, как персты,
Здесь на Луну собаки лают,
Здесь гасят на кострах мечты.
Но цифры пишет на бумаге
Склонясь, не подымая век,
Брат Галилея, Тихо Браге,
И брат Ньютона — человек.
Еще непонятый, безвестный,
Упрямо строя к звездам мост
И слушая земные песни
Синиц, калиток и берез.
Не может разум согласиться
На одиночество Земли.
Не с неба ждать — к нему пробиться,
Не храмы строить — корабли.
Чтобы на дальние планеты
Ступить, свирепо веря в жизнь,
И прокричать, как в поле где-то:
«Эй, есть ли кто тут? Отзовись!»

С утра паял, лудил, слесарил,
 Иных не ведая забот.
 Достигли цены на базаре
 Астрономических высот.
 И словно бы над чудом века,
 Над самоваром чьим-то, взлость,
 Он размышлял Спинозой неким,
 Когда явился странный гость.
 Гость юн был и наивно мрачен,
 Чтоб старше выглядеть, чем есть.
 Он просьбой с ходу озадачил —
 О звездах лекцию прочесть.
 На фронт идет его бригада,
 И, перед тем как выступать,
 Бригаде непременно надо
 Всё о вселенной срочно знать.
 Всё! На его суконном шлеме
 Плыла, багрова и горда,
 Над звездами сияя всеми,
 Пятиконечная звезда.
 Она плыла, всех ярче, выше,
 Над лбом в кудрях, как бы в венце,
 И робкие глаза мальчишьи
 Цвели на каменном лице...
 Зал встретил дымом, потом, гулом.
 Поблескивает тускло сталь.
 Седой, косматый и сутулый
 Над залом Циолковский встал.
 Поймут ли? Ну, а кто же боле
 Поймет его! Костры паля,
 В крови, в надежде, в муках, в боли
 Рождалась новая земля.
 И синими глазами юных
 Сейчас глядела не она ль
 В глаза ему! И над трибуной
 Померкла близь, открылась даль.
 В ней голос загорался, падал,
 Взрывался гневом и парил,

Он звёзды с неба, как награды,
Как будто яблоки дарил.
В бескрайнем мраке, в ливнях света
Вел по орбитам корабли,
На неизвестные планеты
Ступал разведчиком земли.
И дальше следовал без страха
Меж черных огненных громад.
Зал замирал, вздыхал и ахал,
Забывшись, два часа подряд.
И смолк. И тысячи ладоней
Умяли тишину в комок.
И, весь в скрипучей коже, конник
Вручил торжественно паек
Солдатский свой, скупой и щедрый,
Один достойный звездных тайн.—
Весь черный, как земные недра,
Как солнце жаркий, каравай,
Нет, не как плата и награда —
Как братья делят на земле
Всё, что имеют, — боль и радость, —
Лежит сейчас он на столе.
И где-то, охватив до края
Лавиной стали, ливнем звезд,
Клинками небо озаряя,
Идет бригада в громе верст.
Идет, аллюра не жалея,
И от копыт вся степь гудит,
Весь шар земной, — и клич над нею
«Даешь вселенную!» летит.

*

Молчит земля перед дорогой,
В путь отправляя сыновей,
Скрывая радость и тревогу
От всех людей за всех людей.
И космодром, видавший виды,
Весь тишиной продут нас kvозь.

«Даешь вселенную!» — как выдох,
Чуть слышно кто-то произнес, —
Нохоже, что седой, с глазами
Мальчишими, сам генерал.

— Вы что-то, кажется, сказали?

— Нет, просто вспомнил, не сказал... —
Земли бессмертье, космодром,
Планета стали и бетона!
И ближний предок за бугром —
Аэродром — лужок зеленый.
Несущих линий прочерк скуп,
Пустыня камня диковата.

Он рвется ввысь, зарывшись вглубь,
Чуть приподняв свои накаты,
Кося глазами амбразур,
В гребенках модниц позабытых —
В антеннах, взявших в контражур
Просторы дымные зенита.

А посредине, как Нотр-Дам,
Как пражский храм святого Витта,
Корабль ракетный встал, упрям,
Глазурью розовой облитый.

Земли бессмертье, космодром!

Роса на тоненькой ромашке
Меж плит. И в тишине, как гром,
Пичуги песенка, бесстрашно
Присевшей там, на стапелях,
Одна в динамиках грохочет.
Сейчас их выключит Земля,
И время в счет войдет рабочий.
Его отсчитывать начнет
Пророк сутулый, бородатый,
Глухой, калужский звездочет,
Не понятый никем когда-то.

*

Не зря горит и светит гений
Сквозь одиночества года.

Он в круг грядущих поколений
Встает как равный, навсегда.
Москва слезы не утирала,
Взахлеб глазела, как с высот,
С эскортом молний в небе алом
Прошел, снижаясь, самолет.
Вся ходуном ходила площадь
С иными наравне в стране,
В одном сердцебиенье общем,
Как в день победы на войне.
Плясал и пел народ московский,
Самой вселенной одержим,
Как будто стал он Циолковским,
По меньшей крайности, самим,
Большим, огромным, увлеченным
Хозяином планет и звезд.
Он, словно перышко, в колоннах
Машину с космонавтом нес.
И с ним в колоннах рядом были
Его поднявшие века, —
Никто не знает их фамилий:
Они в безвестности пока.
О них серебряные трассы
Вокруг планеты в простоте
Звенят, как пламенные праздники
На недоступной высоте.

СОДЕРЖАНИЕ

«Жизнь, по пословице, не поле...»	3
«Кто был изобретатель колеса?»	4
Второй	5
«Л кто такой Бартоломей Диас?»	6
«И я ее искал, по свету ездил я...»	8
«Человеку холодно без песни...»	10
«Кто же первый сказал мне на свете о ней?»	11
«Далекое становится всё ближе...»	12
«Всё, говорят, на свете образуется...»	13
«А мне, пожалуй, ничего не надо...»	14
Акрополь	15
Два монолога	17
«Голос первой любви моей...»	19
В автобусе	20
«Старый снимок...»	21
Мой лейтенант	22
«Светлый север, лес дремучий...»	24
Вечер стихов в колхозе	25
На Волгобалте	27
Женский праздник	29
Земляк	31
Дергач	33
Кружка молока	34
Свежий хлеб	36
Мытье полов	37
Щи	38
У костра	40
Гармоники	42
Две дали	44
«Что может быть проще еще и сложнее...»	46
Дионисий	47
Побывальщина	49
Приглашение	50
Петр Великий в Вологде	51
Концерт	53
«На крышах солью выступает иней...»	55
Хлеб	56

«Две крутых соболинки...»	57
«Смеялась женщина, смеялась...»	58
«Я давно увидел в первый раз...»	59
«Под атласным одеялом...»	60
«Алёшенька»	61
Черемуха на Петроградской стороне	62
«В цвета палящие одета...»	64
«На Большом Гнездниковском...»	65
Встреча с морем	67
Хлеб привезли	69
На даче	71
«Вчера еще со школьной парты...»	74
«Где-то горны еще гремят...»	75
Памятник	76
Невская Дубровка	77
Сосна	79
«Уходит в небо с песней полк...»	80
В госпитале	81
Ночь	82
Сорок лет	84
Мирная песенка	86
Новое время — новые песни	87
Курган-герой	88
«Я верю в бога, но не с бородой...»	89
Ленинские места	90
Утро	91
Коммунисты	93
«И Русь не та, и русские не те...»	94
Одна любовь. <i>Поэма</i>	95
Слово о Циолковском	110

Сергей Сергеевич Орлов

ЛИРИКА

Редактор

В. Г. Друян

Художник

В. Н. Шульга

Художник-редактор

О. Н. Маслаков

Технический редактор

Н. М. Тихонова

Корректоры

Е. Н. Куренкова

и Л. В. Берендюкова

Сдано в набор 15/XI 1965 г. Подписано к
печати 15/I 1966 г. Формат бумаги 84×90^{1/2}.
Физ. печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд.
л. 4,27. Тираж 50 000 экз. №-11567. Заказ № 1740
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 169

Ленинзат, Ленинград, Фонтанка, 59.
Типография им. Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57.

Цена 26 коп.

25 коп.

Лениздат